

Перспективы доминирующей партии в России

Может ли «партия власти» стать основным механизмом, обеспечивающим преемственность российского политического режима?

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

Выступая 7 февраля 2006 года в Центре партийной учебы и подготовки кадров партии «Единая Россия», заместитель руководителя Администрации Президента РФ Владислав Сурков поставил перед слушателями центра «серьезную задачу» — обеспечить доминирование партии в политической системе России «в течение минимум 10–15 лет»¹. Данный призыв примечателен не только тем, что демонстрирует расширение временного горизонта в политическом планировании российских властей далеко за пределы второго президентского срока Владимира Путина, — это также указание на то, что «партия власти»² может стать основным механизмом, обеспечивающим преемственность российского политического режима. Подобная тенденция существенным образом отличает Россию от ряда других постсоветских государств, недемократические режимы которых носят сугубо персоналистский характер. В самом деле, лидеры большинства стран СНГ в течение полутора десятилетий либо игнорировали партии в качестве инструментов своего господства (подобно режимам Каримова в Узбекистане и Лукашенко в Белоруссии), либо создавали «партии власти» *ad hoc* — как одноразовые инструменты, а не как долгосрочные проекты (в Казахстане и Азербайджане). Некоторые «партии власти» терпели неудачу, не имея шансов завое-

вать парламентское большинство (в Украине в 1998-м и в России в 1995 году), и поэтому достижения «Единой России», обладающей сегодня конституционным большинством в Государственной думе и «контрольным пакетом» мандатов в ряде региональных legislatures, остаются исключением на постсоветском пространстве³.

Известно, что перспективы недемократических режимов обусловлены их природой. Сравнительное исследование, проведенное Барбарой Геддес, демонстрирует⁴, что персоналистские авторитарные режимы сохраняются в среднем не более 15–18 лет и весьма редко переживают своих создателей, хотя зачастую их крах ведет к появлению на их месте других персоналистских или военных режимов, когда автократы в погонах и без погон лишь сменяют друг друга. Напротив, недемократические режимы с доминирующей партией гораздо устойчивее: они сохраняют свою власть более чем в два раза дольше, нежели персоналистские. В поддержку тезиса Геддес говорит не только история более чем 70-летнего однопартийного режима в Советском Союзе, но и недавняя волна «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии. Режимы Шеварднадзе, Кучмы и Акаева, по разным причинам не сумев консолидировать элиты своих стран посредством организации единой доминирующей партии, пытались опираться на конкурирова-

шие друг с другом патронажно-клиентельные сети. Доминирующие партии не являются уникальной особенностью недемократических режимов. Широко известна и практика «нетипичных» демократий (*uncommon democracies*)⁵, подобных Японии или Швеции, где доминирующие партии сохраняли власть десятилетиями. Не случайно параллели именно с этими странами проводил в своем выступлении Сурков. Однако сопоставление «единороссов» с японскими либерал-демократами или шведскими социал-демократами оставляет за скобками очевидно несправедливый характер российского электорального процесса (одностороннее и пристрастное освещение выборов в средствах массовой информации, административная мобилизация избирателей и пр.), равно как и специфику институциональных аспектов российской политической системы. Куда более корректно сравнение российской «партии власти» с мексиканской *PRI* – Институционно-революционной партией (ИРП), которая сохраняла свой доминирующий статус в период с 1929 по 2000 год. Хотя сходство политического развития современной России и Мексики 1930–1940-х уже отмечалось отечественными и зарубежными наблюдателями⁶, роль «партии власти» в политике обеих стран нуждается в более глубоком анализе.

«Партия власти» по-мексикански

Генезис мексиканской «партии власти» существенно отличается от российского случая. Мексика, как и ряд других стран Латинской Америки, заимствовав американскую модель конституции с сильной президентской властью, не сумела построить стабильную конкурентную партийную систему. В течение долгого времени ей были присущи режимы личной власти «каудильо», самым известным из которых был правивший страной на протяжении 34 лет (1876–1910) Порфирио Диас.

После революции 1910–1917 годов в конституцию Мексики была внесена норма, запрещающая переизбрание главы государства по окончании срока его полномочий. На первом этапе это не повлияло на развитие партий: в 1924-м президента Альваро Обрегона сменил победивший на выборах его соратник и преемник Плутарко Кальес, а четыре года спустя Обрегон был вновь избран на пост главы государства при поддержке Кальеса. Но на банкете по случаю этой победы Обрегон был застрелен религиозным фанатиком, и мексиканская элита, едва пришедшая в себя после революции и длительного периода нестабильности, оказалась перед угрозой нового политического кризиса. В этой ситуации Кальес, не имевший законного права снова занять пост президента, но стремившийся предотвратить внутриэлитный конфликт, пошел по нестандартному для латиноамериканских лидеров пути. Добившись от парламента назначения своего ставленника в качестве временного президента, он не только манипулировал за кулисами принятием всех политических решений, но и создал политическую коалицию, предназначенную поддерживать стабильность и преемственность режима, – Национально-революционную партию (предшественница *PRI*). В нее вошли некоторые прежние партии, часть профсоюзов, аграрии, военные и локальные политические машины местных боссов («касиков»). Новоявленная «партия власти» взяла под свой контроль важнейшие правительственные посты и, опираясь на государственный аппарат, получила подавляющее превосходство на выборах, характеризовавшихся высоким уровнем фальсификации результатов вплоть до конца эпохи *PRI*. Но подлинной опорой и важнейшим инструментом режима «партия власти» стала лишь в период президентства Ласаро Карденаса (1934–1940). Именно благодаря его усилиям партия была реорганизована по корпора-

тистскому принципу. Она превратилась из рыхлой коалиции в иерархически организованную структуру, которая пронизала государственный аппарат и армию, обеспечив эффективный массовый патронаж. Карденас же с помощью партии смог избавиться от вызовов со стороны военных и «касиков», установить свой контроль над профсоюзами, раздать некоторое число земельных наделов крестьянам, а также национализиро-

ников (как правило, из числа министров) и по истечении президентского срока (избрание на второй срок, как уже упоминалось, было запрещено) уходили с авансены мексиканской политики. Хотя формально «партия власти» номинировала кандидатов на президентский пост, на деле именно глава государства контролировал партию, назначая своих ставленников на посты партийных лидеров⁹. Соответственно воздействие *PRI*

“Персоналистские авторитарные режимы сохраняются в среднем не более 15—18 лет и весьма редко переживают своих создателей”.

вать нефтяную промышленность, что усилило экономические позиции правящей элиты. Кальес, оказавшийся не у дел и пытавшийся играть свою игру, был выслан из страны⁷. В 1940 году, по окончании президентского срока Карденаса, его на посту главы государства успешно сменил предложенный им преемник Альвио Камачо, и последующие десятилетия стали золотым веком стабильности мексиканского режима⁸. Достаточно сказать, что Мексика оказалась единственной латиноамериканской страной, сохранившей недемократический режим и при этом избежавшей государственных и военных переворотов после Второй мировой войны.

Отметим некоторые специфические черты мексиканской «партии власти».

Во-первых, *PRI* была не столько правящей, то есть определяющей состав и политику правительства, сколько президентской партией, поддерживавшей статус-кво независимо от персоналий и политического курса руководства страны. Сменявшие друг друга каждые шесть лет главы государства самостоятельно формировали кабинеты министров, опираясь на профессионалов-технократов и (в меньшей мере) на свои личные клиентелы, сами подбирали себе преем-

на выработку политического курса и принятие важнейших решений было ограниченным: ключевую роль в этом процессе играли правительство и влиятельные группы (бизнес, профсоюзы), а партия *post factum* одобряла спущенные сверху президентские законопроекты¹⁰. Это приводило к своего рода эффекту маятника, когда президентов левой ориентации регулярно сменяли правые и наоборот¹¹, безотносительно не только к воле избирателей, но и к мнению партийных боссов.

Во-вторых, основным ресурсом мексиканской «партии власти» было ее сращение с государственным аппаратом (дополнявшееся массовым патронажем, особенно на местном уровне), но никак не идеология, остававшаяся эклектичной и весьма расплывчатой. В то же время в рамках традиционного лево-правого континуума *PRI* устойчиво занимала место «центра», загоняя в узкие идеологические ниши как многочисленные, но очень слабые левые партии, так и связанные с католической церковью правые круги, которых представляла консервативная Партия национального действия (*PAN*), стабильно получавшая на выборах не более 15 проц. голосов. Присутствие в мексиканской полити-

ке оппозиции, неспособной создать серьезные вызовы режиму, лишь легитимировало безраздельное господство *PRI* как на электоральной, так и на парламентской арене¹². Более того, в 1977-м в Мексике была проведена реформа избирательной системы, направленная на расширение представительства оппозиции в парламенте. Одним из следствий подобного положения дел стала относительно низкая степень репрессивности мексиканского режима, до известных пределов терпевшего плюрализм в средствах массовой информации и автономию университетов. Как отмечалось в 1960-е годы, по отношению к диссидентам режим предпочитал стратегию кооптации, предлагая им возможности карьерного роста и/или материальные блага в обмен на лояльность «партии власти»¹³. Если же те проявляли несговорчивость, то он мог применить и силу (разгон студенческих манифестаций, закрытие неугодных газет и т. д.)¹⁴.

В-третьих, *PRI* обладала довольно необычной по меркам большинства политических партий организационной структурой. Со времен Карденаса партия была разделена на несколько иерархически устроенных секторов — трудовой, крестьянский и «народный» (в последний входили государственные служащие и представители среднего класса)¹⁵. Каждый из секторов охватывал — благодаря коллективному членству в *PRI* представляющих его профсоюзов и других общественных объединений — соответствующие социальные группы (номинально численность партии в 1980-х превышала 12 млн человек). Все сектора были представлены в партийном руководстве на общенациональном и местном уровне. Это позволяло режиму решать три взаимосвязанные задачи: 1) привлекать в сферу влияния «партии власти» максимально широкие слои населения, так чтобы она служила корпоративистским механизмом представительства интересов

различных групп, обеспечивая тем самым единство мексиканских элит¹⁶; 2) ограничивать влияние на *PRI* губернаторов и «касиков», способствуя большей централизации управления как партией, так и страной; 3) брать под контроль президента организационно раздробленный партийный аппарат, политическое влияние которого удавалось снижать благодаря внутривнутрипартийной конкуренции (использование принципа «разделяй и властвуй»)¹⁷.

Опиравшийся на *PRI* мексиканский режим сохранял власть до 1990-х годов, когда череда экономических кризисов и неспособность «партии власти» к реформам привели к новым конфликтам элит и внутривнутрипартийным расколам¹⁸, которые открыли пространство для политической конкуренции: оппозиция смогла одержать победу вначале на парламентских, а затем и на президентских выборах. В итоге в 2000-м, после семи с лишним десятилетий самого длительного в мировой истории господства некоммунистического режима с доминирующей партией, Мексика стала «нормальной» демократической страной с обычным набором проблем, присущих новым демократиям.

Дилеммы и вызовы для России

Нетрудно заметить, что ряд черт мексиканского режима эпохи *PRI*, таких, как контроль президента над «партией власти», государственный корпоративизм, стремление к централизации власти, относительно низкая репрессивность режима, слабая, подверженная манипуляциям и готовая к кооптации оппозиция¹⁹, отсутствие явно выраженной идеологии, во многом сходны с тенденциями политического развития сегодняшней России. Имеет ли шансы на реализацию в российских условиях мексиканская модель стабильности недемократического режима, основанная на господстве «партии власти»? Разумеется, любые суждения на этот счет

носят не более чем предварительный характер. И дело не только в том, что российская «партия власти» в лице «Единой России» еще не прошла даже минимальный тест на институционализацию, каковым можно считать успешное участие в трех циклах парламентских выборов подряд²⁰. Важнейшая проблема заключается в ином. Несмотря на успешные шаги по пути строительства «партии власти», предпринятые путинским режи-

политическая судьба Михаила Касьянова (так же как и ряда деятелей Мексиканской революции, включая Кальеса). Напротив, второй вариант, хотя и способный принести краткосрочные индивидуальные выгоды отдельным представителям элит (очевидными кандидатами на эту роль сегодня выступают «силовики»), обрекает российскую элиту на коллективные издержки долгосрочного плана (из-за неприспособленности пер-

“Несмотря на успешные шаги по пути строительства «партии власти», Кремль пока не сделал выбор в пользу одной из двух — недемократических — моделей”.

мом, Кремль пока не сделал стратегический выбор в пользу одной из двух — недемократических — моделей. Первая из них, в духе цитированного выше выступления Суркова, предполагает, что доминирующая партия («Единая Россия» либо иная «партия власти») служит главным «стержнем» режима, или, как было записано не так давно в советской конституции, «ядром политической системы общества». Вторая же основана на сохранении персоналистского господства главы государства, особенно если Путин останется (де-юре либо де-факто) первым лицом государства и после 2008 года. Во втором случае «партия власти», даже сохранившись, будет играть вспомогательную роль используемого *ad hoc* инструмента личной власти политических лидеров.

Данная дилемма не имеет решения, устраивающего весь российский правящий класс. Первый вариант сулит долгосрочные коллективные выгоды российским элитам в целом, но порождает немалые краткосрочные индивидуальные издержки. Выстраивание внутри-элитных взаимодействий в рамках доминирующей партии влечет за собой маргинализацию всех несогласных с ее «генеральной линией», примером чего может служить

соналистских режимов к поддержанию преемственности), да и краткосрочных индивидуальных потерь вряд ли удастся избежать. Они связаны с тем, что персоналистские режимы более репрессивны, нежели режимы с доминирующими партиями. Проще говоря, лидеры первых вынуждены время от времени для поддержания политической лояльности устраивать «чистки» элит, о чем свидетельствует не только советский опыт времен Сталина, но и практика правления ряда постсоветских лидеров — от Лукашенко до Туркменбаши²¹. Для Карденаса решение дилеммы в пользу доминирующей партии было вынужденным: без опоры на «партию власти» он не смог бы ни обеспечить собственное господство, ни преодолеть многочисленные кризисы, сотрясавшие Мексику²². Но в сегодняшней России Путин и его потенциальные преемники располагают куда более широким набором ресурсов, и поэтому для них «партия власти» отнюдь не выглядит вынужденным решением.

Как бы то ни было, можно ожидать, что думские выборы 2007-го станут критическим тестом для «Единой России». Если «партии власти» не удастся обеспечить по итогам выборов свое безусловное и устойчивое

преобладание в Государственной думе (пусть и несколько в меньшей мере, чем по итогам выборов 2003 года), строительство режима с доминирующей партией может оказаться под угрозой, а шансы персоналистской стратегии, напротив, возрастут. Иначе говоря, главными конкурентами «партии власти» на этих выборах будут не столько другие политические партии, вынужденные решать задачи своего политического выживания, сколько те сегменты российских элит, которые по разным причинам могут лишиться своих политических и/или экономических активов в случае достижения и удержания «Единой Россией» монополии на российском политическом рынке. Между тем успешное решение «проблемы-2007» выглядит далеко не очевидным: даже при крайне несправедливом проведении выборов сокрушительный успех на них «Единой России» вовсе не гарантирован²³. По меньшей мере, для его достижения необходимы (хотя и недостаточны) такие условия, как сохранение высоких цен на нефть и отказ от проведения в России либе-

сети явно или неявно связанных с ней молодежных организаций либо попытки вовлечения в интенсивно развивающиеся корпоративистские структуры представителей бизнеса или объединений «третьего сектора». Однако за этим фасадом скрываются глубокие содержательные различия. Если мексиканская «партия власти» стремилась к кооптации независимых и умеренно оппозиционных сил, то в России, напротив, речь идет о патронаже в отношении лояльных акторов и стигматизации нелояльных, о чем, например, свидетельствует создание Общественной палаты РФ²⁵. Помимо частных интересов участников данного процесса (связанных в том числе с получением клубных благ, с «распиливанием» бюджетов и пр.), особенно-сти российского корпоративизма обусловлены и другими причинами. В Мексике задача «партии власти» состояла в «умиротворении» сильных игроков на политическом поле (тех же профсоюзов), что предполагало и частичное удовлетворение их запросов. В России же социетальные акторы недостаточно сильны,

“Мексиканская «партия власти» стремилась к кооптации оппозиционных сил, в России же речь идет о стигматизации нелояльных акторов”.

ральных реформ²⁴. Но даже если «Единой России» и удастся достичь своих целей в ходе предстоящего цикла выборов (как думских, так и президентских), планы долгосрочного доминирования «партии власти» могут натолкнуться на новые вызовы, связанные с иными аспектами российской политики.

Прежде всего российская «партия власти», по крайней мере пока, не демонстрирует той способности включать в сферу своего влияния самые широкие слои общества, которая была присуща *PRR*. Формально в России наблюдаются сходные с Мексикой явления, такие, как создание вокруг «Единой России»

чтобы «партия власти» оказалась вынуждена считаться с их требованиями. А это, в свою очередь, приводит к очевидному дисбалансу в процессе принятия политических решений, когда вместо согласования интересов «партия власти» навязывает те или иные инновации. Очевидные неудачи монетизации льгот и других мер в сфере социальной политики — характерный пример такого рода односторонних шагов, которые в конечном итоге нанесли ущерб самой «партии власти»²⁶.

Другой вызов российской «партии власти» исходит из противоречия между ее стремлением сохранить сложившийся (благо-

приятный для нее) статус-кво и амбициозными планами правящих элит по модернизации страны. Если «партия власти» в Мексике 1930–1940-х (как и компартия в Советском Союзе в тот же период) решала задачу индустриализации прежде аграрной страны, то сегодняшняя повестка дня «Единой России» имеет с ней мало общего. Как бы ни относиться к «национальным проектам», кото-

рские активно продвигает Администрация Президента РФ, в том числе и с помощью «Единой России»²⁷, не стоит расценивать их лишь как предвыборный ход Кремля. По существу, программы реформ образования, здравоохранения и жилищной политики представляют собой масштабные инвестиции в человеческий капитал, которые действительно могут послужить двигателем российской модернизации. Проблема состоит в том, что эти инвестиции способны принести выгоду стране и ее элитам только в долгосрочной перспективе, в то время как «партия власти» нуждается в первую очередь в краткосрочных политических дивидендах, получаемых «здесь и сейчас». Это создает предпосылки для того, чтобы Кремль и «Единая Россия» превращали объективно полезные для них самих «национальные проекты» в очередную провальную кампанию, подобно тому как поступала КПСС во времена Хрущёва и Брежнева.

“Демократизация нынешнего российского режима рискует оказаться вынужденным решением при возникновении новых кризисов”.

Кроме того, не следует забывать, что главным активом российского политического режима в обозримом будущем останутся энергоносители (мексиканский режим в гораздо меньшей мере зависел от этого фактора, хотя падение цен на нефть в 1980-е годы сыграло немалую роль в ослаблении позиций *PRR*). О том, что «нефтяное про-

клятие» способствует усилению недемократических режимов, написано уже немало²⁸. Но можно ожидать, что оно скорее благоприятствует персоналистским режимам, чем режимам с доминирующими партиями. Высокая концентрация ресурсной ренты и низкая степень зависимости режима от не связанных с углеводородами секторов экономики и общества ведут к тому, что потреб-

ность элит в «партии власти» как политическом инструменте уменьшается, а лояльность обеспечивается с помощью иных инструментов, прежде всего популизма и селективного использования репрессивного аппарата. Об этом свидетельствует и недавний опыт Венесуэлы, где режим Чавеса, возникший после краха конкурентной партийной системы, носит чисто персоналистский характер²⁹.
Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и роль внешнеполитического контекста в судьбе российской «партии власти». Немаловажным фактором выживания мексиканского режима стала американская поддержка: США были заинтересованы в стабильности на своих южных границах, и с этой точки зрения господство доминирующей партии их вполне устраивало³⁰. Казалось бы, по большому счету та же логика подходит и для России: стабильный недемократический режим в глазах многих американских и европейских политиков выглядит куда меньшим злом по сравнению с хаосом и непредсказуемостью, характерными для периода 1990-х³¹. Но разница состоит в том, что мексиканский режим не делал заявок на проведение внешнеполитического курса, представлявшего сколь-нибудь значимые проблемы для США (хотя, напри-

мер, поддерживал отношения с кубинским режимом Кастро вопреки американскому бойкоту), и уж тем более не претендовал на серьезное международное влияние. Внешнеполитические амбиции российских лидеров несоизмеримо обширнее, а стремление Кремля использовать энергетические ресурсы как средство своей международной политики в сочетании с систематическим противодействием странам Запада на огромном пространстве от Белоруссии до Ирана вызывают вполне понятное отторжение. Не вдаваясь в детали, можно с основанием утверждать, что такой курс способен затруднить международную легитимацию любого недемократического режима независимо от его природы. Но если в отношении персоналистских режимов речь идет о международном признании либо непризнании легитимности конкретного лидера (а не политического строя, как такового), то легитимность режима с доминирующей партией гораздо более уязвима. Конечно, международное влияние на внутривнутриполитические процессы в России не стоит преувеличивать. Но надо иметь в виду, что западный истеблишмент был, есть и в обозримом будущем останется референтной группой для российских элит, которые не хотели бы приобрести в его глазах непоправимо одиозную репутацию. Об этом говорят среди прочего предпринимаемые Кремлем активные (хотя и малоэффективные) меры по «отмыванию» имиджа России на Западе. А в случае, если в России укоренится режим с доминирующей партией, трудно будет избежать слишком прозрачных параллелей с временами Советского Союза, возврат к которым выглядит явно нежелательным для Запада.

«Оба хуже», но «третий лишний»

Итак, провозглашенная задача обеспечить доминирование «партии власти» в длительной перспективе наталкивается на серьез-

ные препятствия, многие из которых имманентно присущи российскому политическому режиму. Вместе с тем персоналистская (неважно, во главе с Путиным или с кем-то другим) альтернатива режиму с доминирующей партией также выглядит малопривлекательной и сулит высокие риски российским элитам. Сопоставление двух возможных моделей недемократического режима в России заставляет вспомнить апокрифическую оценку Сталиным правого и левого уклонов в коммунистической партии: «оба хуже». Вопрос в том, насколько вероятны какие-то другие пути эволюции нынешнего российского режима.

Примечательно, что в многочисленных дискуссиях о будущем российской политики перспектива скорого становления в стране полноценной демократической конкуренции, предполагающей возможность поражения на выборах инкумбента или правящей партии³², не то чтобы оценивается как маловероятная, а просто не рассматривается всерьез. Между тем именно вероятность такого исхода и обозначает грань между «нетипичными демократиями» (в конце концов и в Швеции, и в Японии доминирующие партии теряли власть после поражений на выборах) и недемократическими режимами разных типов. Теоретически нельзя исключить того, что в конкурентной политической среде «партия власти» вполне могла бы стать одним из равноправных участников политического соревнования (именно так и произошло с *PRJ* после 2000 года), хотя в российском случае шансы на ее политическое выживание в нынешнем виде были бы невелики³³. Однако сегодня трудно найти сколько-нибудь влиятельных акторов российской политики, не просто заинтересованных в такого рода эволюции политического режима, а способных к проведению в жизнь подобных преобразований. Иначе говоря, делая стихийный либо сознательный выбор между двумя вари-

антами недемократического режима, российский правящий класс ныне «по умолчанию» отвергает (или, по меньшей мере, откладывает «на потом») вариант демократизации режима как «третий лишний».

Было бы неправильно сводить причины такого выбора лишь к антидемократическим установкам, которые зачастую приписываются российским элитам в силу генезиса отдельных их представителей³⁴. Динамика политических режимов имеет собственную внутреннюю логику, не во всем зависящую от предпочтений политических акторов и во многом обусловленную предшествующим опытом. Проводя параллели с человеческим организмом, можно утверждать, что российский политический режим в последнем десятилетии XX века страдал многими тяжелыми «болезнями роста», часть которых была унаследована от советского периода и усугублена сопутствовавшей распаду СССР «родовой травмой». Однако лекарства, прописанные стране кремлевскими докторами в 2000-е, похоже, сами могут стать причиной длительных хронических заболеваний, любые консервативные способы лечения которых способны лишь ухудшить и без того нелегкое

состояние пациента. В сложившейся ситуации никто не отваживается на рискованную операцию (даже зная, что лишь она может поставить больного на ноги) до тех пор, пока не станет окончательно ясно, что в противном случае пациент не выживет. По аналогии разумно предположить, что демократизация нынешнего российского режима, вряд ли возможная на пути его эволюции в сторону либо персонализма, либо укрепления доминирующей партии, рискует оказаться вынужденным решением при возникновении новых кризисов, не исключено, более глубоких, чем любые другие в постсоветской истории. Лекарство в виде господства «партии власти» с большей вероятностью, чем персонализм, способно отсрочить такой кризис, но едва ли и оно в силах его предотвратить. Вопрос состоит скорее в том, не окажется ли демократизация страны безнадежно запоздалым рецептом выхода из кризиса и позволит ли она избежать самого тяжелого исхода. России слишком дорого обошлись десятилетия однопартийного режима, поэтому так важно, чтобы ее снова не возглавила «руководящая и направляющая» «партия власти». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Текст выступления В. Суркова см.: www.edinros.ru/print.html?id=111148 (доступ 19 мая 2006).

² Здесь и далее под этим термином понимается политическая организация, созданная правящими группами с целью участия в выборах, сращенная с государственным аппаратом и односторонне использующая ресурсы государства для обеспечения своего доминирования.

³ Подробнее см.: Гельман В. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 46–58; Hale H. E. Why Not Parties in Russia? *Federalism, Democracy, and the State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.

⁴ См.: Geddes B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 2003. P. 47–88.

⁵ См.: *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes* / T. J. Pempel (ed.). Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1990.

⁶ См., например: Ворожейкина Т. Государство и общество в России и в Латинской Америке // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 5–26; Gvosdev N. Mexico and Russia: Mirror Images? // *Demokratizatsiya*. 2002. Vol. 10. No. 4. P. 488–508.

⁷ Подробнее см.: Cornelius W. A. *Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas* // *Crisis, Choice, and*

Change: Historical Studies of Political Development / G. Almond, S. Flanagan, R. Mundt (eds). Boston: Little, Brown, 1973. P. 392–498.

⁸ Подробные описания, в частности, см.: *Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority*. N. Y.: Praeger, 1986; *Cothran D. Political Stability and Democracy in Mexico: The “Perfect Dictatorship”?* Westport, CT: Praeger, 1994.

⁹ См.: *Story D. Op. cit.* P. 76–82; *Scott R. E. Mexican Government in Transition*. Urbana, IL: Univ. of Illinois Press, 1964. Ch. 5, 8, 9.

¹⁰ *Purcell S. K. Decision-Making in Authoritarian Regime: Theoretical Implications from a Mexican Case Study // World Politics*. 1973. Vol. 26. No. 1. P. 28–54.

¹¹ *Story D. Op. cit.* P. 30–41.

¹² Конечно, не обходилось и без издержек: избиратели приходили на неконкурентные выборы неохотно, и порой, чтобы повысить явку на голосование, в деревни завозили машины с обувью. Перед голосованием избирателям бесплатно раздавали ботинки на левую ногу, а тем, кто пришел на избирательный участок, давали еще и на правую.

¹³ См.: *Anderson B., Cockroft J. D. Cooptation and Control in Mexican Politics // Intern J. of Comparative Sociology*. 1966. Vol. 7. No. 1. P. 11–28.

¹⁴ См., в частности: *Cothran D. Op. cit.* Ch. 5; *Story D. Op. cit.* P. 98–117.

¹⁵ Существовал также и военный сектор, позднее упраздненный.

¹⁶ См.: *Stevens E. P. Mexico’s PRI: The Institutionalization of Corporatism? // Authoritarianism and Corporatism in Latin America / J. M. Malloy (ed.)*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1977. P. 227–258.

¹⁷ В Советском Союзе сходные цели преследовало разделение комитетов КПСС на промышленные и сельскохозяйственные, проведенное Хрущёвым в 1962 году и отмененное после его свержения с поста главы партии и государства.

¹⁸ См.: *Langstone J. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.)*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. P. 57–76.

¹⁹ Подробнее см.: *Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис*. 2004. № 4. С. 52–69; *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2005.

²⁰ В этой связи можно вспомнить, что мексиканская «партия власти» обрела название *PRI* лишь в 1946 году, когда при ее господстве прошло два полноценных цикла выборов президента страны.

²¹ Теоретические аргументы см., например: *Whintrobe R. The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

²² См.: *Cornelius W. A. Op. cit.*

²³ Так, по данным массового опроса «Левада-центра», в апреле 2006 года за «Единую Россию» готовы были проголосовать 51 проц. респондентов, намеренных принять участие в голосовании и определившихся со своим выбором. См.: *Социально-политическая ситуация в России в апреле 2006 года* (<http://www.levada.ru/press/2006050502.html>) (доступ 19 мая 2006).

²⁴ Об этих проблемах см., в частности: *Рябов А.* Пока не началось: от партии власти к правящей партии (www.polit.ru/research/2006/02/10/ryabov_print.html) (доступ 19 мая 2006).

²⁵ Подробнее см.: *Петров Н.* Общественная палата: для власти или для общества? // *Pro et Contra*. 2006. Т. 10. № 1. С. 40–58.

²⁶ См.: *Рябов А.* Указ. соч.

²⁷ См.: *Сурков В.* Указ. соч.

²⁸ Сравнительный анализ см.: *Ross M. L. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics*. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 325–361; применительно к России см.: *Fish M. S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. Ch. 5.

²⁹ См.: *Кораллес Х.* Диктатор нового типа // *Pro et Contra*. 2006. Т. 10. № 1. С. 74–83.

³⁰ Подробнее о роли США в стабильности мексиканского режима см.: *Cothran D. Op. cit.* Ch. 6.

³¹ В этом сходятся оценки как сторонников, так и критиков нынешнего российского режима. См., например: *Sakawa R. Putin: Russia’s Choice*. L.: Routledge, 2004. Ch. 9; *Shevtsova L. Putin’s Russia*. Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005 (2nd edition). Ch. 10.

³² «Демократия — это система, где партии проигрывают выборы» (*Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 10).

³³ См.: *Рябов А.* Указ. соч.

³⁴ См., например: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.